

УДК 378.147.31

Doi: 10.26456/vtppsyped/2022.1.204

ОБ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ ОСНОВЕ ВУЗОВСКОЙ ЛЕКЦИИ

А.А. Гагаев¹, П.А. Гагаев²

¹ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет имени Н.П. Огарёва», Саранск
²ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза

Аргументируется и раскрывается положение о необходимости прочтения вузовской лекции на индивидуально-авторской основе. Индивидуально-авторское прочтение лекции трактуется как, с одной стороны, научно-личностная интерпретация существенных положений читаемой теории, а с другой – актуализация в читаемом (в возможной мере) образа мира лектора, его видения обучающихся (адресат высказывания). Авторское прочтение лекции предполагает и обращение лектора к особой стилистике высказывания (стилистике удержания в речи авторского образа мира).

Ключевые слова: *высшее учебное заведение, наука, личность, лекция, речь, индивидуально-авторская основа, образ мира лектора, режиссура.*

*Узнаваем и принимаем лектор
по актуализируемой им
общей для него и студента картине мира.*

Авторы

Вузовская лекция в идеале своем должна быть воплощением *индивидуально-авторского* прочтения фундаментальных положений науки (ее отрасли, раздела научной теории и пр.). Без этого лекция как неотъемлемая форма обучения в высшем учебном заведении не может исполнить предназначенное ей в вузовской практике.

Обзор литературы и методология

Литература по проблемам вузовской лекции традиционно обширна. В настоящее время лекция исследуется со стороны совершенствования ее целеполагания, воздействия на обучающихся, структуры, формы проведения (ориентация на творческое общение и пр.), использования современных средств передачи информации и другого характерного для этого дидактического средства в вузе [4–6].

Необходимость авторского прочтения вузовской лекции теоретиками осознается, однако авторская основа лекции исследователями отчетливо не трактуется как то, что *интегрирует* все другие составляющие этой дидактической реалии.

Опираясь в рассуждениях будем на субстратную рефлексию А.А. Гагаева, согласно которой в предмете исследования удерживается

его едино-множественная основа и характерное для него стремление к персонификации и отвечанию на обращение к себе со стороны познающего [1].

Результаты и материалы исследования

Общее

Лекция как систематическое, последовательное изложение учебного материала, какого-либо вопроса, темы, раздела, предмета, методов *науки* незаменима в вузе. В ее рамках реализуются важнейшие функции обучения: познавательная, развивающая, воспитательная и организующая.

Срединным в осуществлении названных функций, в нашем прочтении, и является индивидуально-авторское природосодержание и прочтение лекции.

Воспринимается человеком (студентом) прежде всего то, что несет в себе *личностное* начало. Личностное начало в данном случае есть выражение индивидуального взгляда на предмет обсуждения и адресат высказывания. Переживая развертывающееся обращение к себе как *авторскую* интерпретацию некоей научной реалии, как авторскую интерпретацию именно в отношении себя как *конкретной* духовности, обучающийся *открывается* актуализируемому в аудитории, открывается в качестве *персоны*, некоей не сводимой ни к какой редукции психической реалии. Одно *непостижимое* в силу *доверия* к себе открывается (приоткрывается) другому *такому же* (нами использована психолого-когнитивная схема взаимодействия личностей С.Л. Франка [9]).

В указанном случае – в случае *живого* обращения слушающего к обращаемому в его адрес – благодатно осуществляется обучение, развитие, воспитание и самоорганизация обучающегося в учебном процессе.

Обучающийся в меру своей психолого-учебной подготовленности *стремится* совместить, сопрячь, соотнести (стилистика может быть самая разная) ценностно-эмоционально-когнитивные реалии своей психики с открывающимся ему в речи преподавателя, стремится и соотносит обращаемое к нему с имеющимся у него в сознании (сопрягает свою картину обсуждаемого с предлагаемой). Обучающийся стремится осуществить рефлексию происходящего в его психике (его ценностно-когнитивном опыте) как принимаемое им. Так рождается возможное взаимодействие преподавателя и студента в процессе прочтения лекции. Так создается предпосылка усвоения обучающимся содержания читаемого, введения в его (обучающегося) сознание определенных познавательных структур, принятия им определенного отношения к открывающимся перед ним реалиям.

В чем конкретно в рамках лекции выражается *научно-авторская* интерпретация читаемого и *авторское обращение* к обучающемуся?

Индивидуально-авторская основа содержания

Что значит индивидуально-авторски (научно-авторски)

осмыслить представляемое в вузовской лекции? Означает это встать вровень с открытым в науке в связи с темой излагаемого и взглянуть на него глазами того, кто видит его (открытое) в *полноте и целостности*.

Полнота и целостность предмета изложения – реалия со стороны гносеологии весьма и весьма *условная*. Условность ее связана с природой всякого *глубокого* знания (а именно о таком говорим, когда рассуждаем о вузовской лекции). Наука, хотя и зиждется прежде всего на удержании стандартных явлений процессов мироздания (проверяемых экспериментально), вольно или невольно движется к той гносеологии и той рационализации открываемого ею, каковые очерчиваемый ею предмет соотносят *со всем и вся* (идея В. Соловьева [7, с. 130]), а потому она (наука) бежит *определенности* в описании найденного.

Глубоко о некоем (некоем теоретическом) в науке невозможно сказать, не ища личностной – *научно-личностной* – интерпретации тех или иных положений представляемой теории, концепции, закона и прочего. Неопределенность, открытость толкования того или иного явления, факта, закона и пр. – атрибут глубокого подлинно научного суждения. Это неоспоримо для всякого большого ученого (гуманитария, естествоиспытателя, математика и пр.).

Конкретика научно-личностной интерпретации читаемого связана с осмыслением *гносеологии* предмета изложения, его *систематики* (*строя*), его *функционирования* (*движения* в родной для него стихии), его *взаимодействия* с другими процессам и, наконец, его вовлеченности *во все и вся*. Выскажемся о каждой из названных реалий.

Гносеология предмета

Какие гносеологические реалии (принципы, рефлексии, методы и пр.) использованы для осмысления читаемой темы (раздела, курса и пр.)? В какой степени они адекватны предмету осмысления (как они учитывают его внутреннюю природу, взаимодействие со внешним и пр.)? Что ими выделяется в предмете отчетливо и полно, а что не удерживается в формализации? Какая гносеология с учетом имеющихся данных науки потребует для расширения воззрений на искомую реалию?.. Все это и многое другое в очерчиваемом аспекте принимается во внимание ученым и прочитывается в силу его научной подготовленности и научной интуиции.

На каждый из сформулированных гносеологических вопросов у большого ученого (лектора) *свой* ответ. Одному (ученому) его опыт и интуиция подскажут акцент поставить на системно-структурной рефлексии, другому – на субстратной. Один ученый подчеркнет удержание существенного в предмете посредством использованной рефлексии, другой, напротив, укажет на односторонность осмысления излагаемого на основе принятой методологии. Один обратит внимание обучающихся на удержание в предмете того-то как существенного, другой заметит, что то-то и то-то выпало в описании теоретика в силу

избранной им методологии. Одному ученому покажутся перспективными одни ракурсы всматривания в искомую реальность, другому – другие, менее очевидные, но многообещающие. Чем глубже взгляд лектора на читаемую реалию, тем скрупулезней и в этом *более личностно* видит он гносеологию обсуждаемого.

Систематика предмета (строй)

Что лежит в основании собирания составляющих предмета в единое целое? Некое объективное взаимодействие разнородных и одновременно единых в своих отдельных проявлениях величин? Движение разновеликих и разнокачественных величин к некоему общему, что потенциально присутствует в бытии как его идеал? Другое некое? Как строятся связи между составляющими предмета представления? Их природа? Насколько эти связи крепки (стандартны в своем явлении)?

Каким предстает искомый предмет в силу своей внутренней собранности (общие его черты)? Может ли он резко изменить свою систематику? Его статус о вбирающей его в себя целостности (место темы, раздела, курса в общей теории предмета)?

Назначение (функции) предмета как внутренне пришедшего к своей полноте? Совершенно ли (эстетично) внутреннее единство предмета? Указывает ли отмечаемое (эстетичное) на органичность (естественность) сформированного?

В ответе на эти и другие вопросы ученый будет давать, опять-таки, во многом *свои* – отличающиеся от суждений иных теоретиков – суждения. Гносеолого-методологические предпочтения ученого подвинут его к определенной (научно-личностной) трактовке систематики предмета описания. Последний в его прочтении явит свою множественность и неоднозначность.

Функционирование и взаимодействие

Как ведет себя описываемый предмет (во вбирающей его в себя реалии)? Как движется (в широком значении этого слова) он? Какие его составляющие в некоем своем качестве осуществляют важнейшие его функции (действия, процессы и пр.)? Что приобретается искомой данностью в ходе ее движения (функционирования)? Какие происходят приращения к ней? Как она меняется в результате разворачивания себя среди других реалий? Что актуализируется в ней в особой степени? Как меняется ее систематика (строй)?..

И на приведенные вопрошания у ученого, лично всматривающегося в предмет изложения, будут *свои* ответы. Функционирование той или иной научной данности – реалия весьма и весьма по-разному в научной среде трактуемая. Систематика есть прежде всего *умозрение*. Реальное проявление того или иного процесса – приведение в движение *всего и вся (мироздания)*. Соответственно, контекст осмысления может расширяться до бесконечности. Трактовки

движения изучаемого предмета могут быть самыми разными.

Вовлеченность во все и вся

В. Соловьевым истина понималась как *все* [7, с. 130]. Философ ощущал своим гением, что в мире (мироздании) нет ничего отдельного, все и вся в нем обусловлены всем и вся. И потому лишь то суждение приближается к истине, в каком-то в максимально возможной мере удерживается указанная связь всего и вся.

Стремление соотнести читаемое со всем и вся побуждает лектора-ученого вводить излагаемое в различные гносеолого-методологические контексты. Перед ним (лектором) открываются самые различные прочтения общей теории читаемого. Последняя в силу влияния тех или иных факторов может развернуться одной своей стороной (как важнейшей), вступить в пересечение с другой (теорией) и в этом открыться новыми гранями, прийти в свое отрицание, включить в себя новые основания и пр., пр.

В трактовке многозначных соотношений со всем и вся читаемой теории лектор-ученый не уйдет от необходимости давать *свои* ответы на возникающие вопросы. Своим видением включенности читаемого во все и вся, своим восприятием и пониманием *всего и вся* будет он расставлять акценты в понимании существенного в излагаемом.

Рече-авторское обращение к слушающим

Индивидуально-авторский характер прочтения лекции связан с последовательным личностным обращением к слушателям как *речевому феномену*.

Обращение к слушателям как речевой феномен в искомом для данной статьи контексте трактуется прежде всего как некая *режиссура* речи преподавателя и ее *последовательная* реализация.

Ключевыми положениями в режиссуре речи как авторской (а они находят свое выражение в определенных категориях речи) являются интенция лектора-ученого удержать себя *всего* в своем речевом поведении (речь как выражение полноты бытия индивида), явить в речи *свое* видение мира (свое прочтение читаемого в его связи с иным значимым для лектора), дать простор рождающимся в своем сознании смыслам в связи с обсуждаемой темой (конкретное содержание речи), побудить своего слушателя в своей логике воспринимать и принимать излагаемое, учитывая одновременно его познавательные-ценностные интересы (образ адресата высказывания); выразительность используемых средств языка; интенция лектора побуждать слушателя вместе с собою получить эстетическое наслаждение рассмотрения представляемого (эстетика высказывания).

Развернем содержание названных реалий, опираясь на свою монографию [3].

Речь как выражение всей полноты бытия индивида

Читающий лекцию преподаватель должен осознавать, что он в рамках лекционного занятия решает не только малую речевую задачу – сообщение тех или иных положений в области теоретического знания, побуждение обучающихся к использованию той или иной методологии, развитие у них умений самоорганизации и пр. Лектор должен осознавать, что он два часа (учебного) времени живет *своею* жизнью. Эти часы (это время) никогда к нему не вернутся. И именно потому они должны остаться его, и *ничьими иными*. Соответственно, что бы он ни читал, все должно быть соотнесено с его *видением* бытия, его принятием или отторжением чего-либо, с тем, что неизменно присутствует в его поведении, и речевом в частности (его картиной мира, его образом мира; в психолингвистике существуют разные редакции этой реальности).

Речь лектора по конкретной учебной теме должна нести в себе черты его *большой* речи. Нами используется термин «макроречь». Макроречь есть та речевая абстракция, каковая потенциально объемлет все возможные речевые проявления индивида. Она и есть, как умозрение, и ее нет как некоего запечатленного на том или ином носителе. Важно то, что она предопределяет речевое поведение человека в любой коммуникативной ситуации.

Макроречь в известном смысле и есть сам человек в его языковом воплощении. Его ценностные интенции, его способы постижения себя и окружающего, его характер, его излюбленные темы (предметы внимания), его рефлексия самого себя, его видение своих собеседников, его драмы и обретения – все это в том или ином отношении (пусть потенциально) удерживается в большой речи человека (в его макроречи).

Ведущий лекционное занятие преподаватель являет в своей речи – речи по учебной теме – себя *всего*, причем того в себе, что может им не осознаваться (отношеннические реалии, проявления характера и пр.). Ограничение одно – соображения такта. Опытный преподаватель не сдерживает в своем поведении явления себя *всего*. Явление себя как *полного* в речевом поведении на лекции есть благо и для преподавателя, и для студентов. Последние видят перед собою – по интонации, жестам, по вниманию к тем или иным оставляющим темы, по внесению в содержание представляемого открыто личностного отношения к читаемому, по экспрессивной лексике и синтаксису, по увлечению с его стороны отдельной проблемой разворачиваемого и пр. – живущего *полной* жизнью человека, человека-ученого, человека-преподавателя. В таком качестве они *принимают* его и *внимают* озвучиваемому им.

Опытный преподаватель не сдерживает в своем (речевом) поведении явления себя *всего*. В этом его *режиссура* своего высказывания на учебную тему.

Картина мира

Картина мира (образ мира) как психолингвистическая реалья

весьма близка тому, что нами определено как макроречь, но не более того (близка, но не тождественна).

Картина мира есть *семантико-смысловая* данность, через призму которой говорящий поверяет происходящее с ним в его конкретном взаимодействии со слушателями.

Картина мира есть тот ценностно-гносеолого-психологический континуум, в каковой лектор вводит излагаемое им на лекции.

Общее отношение говорящего к действительности (семантика утверждения, азарта, интереса и пр.), своей профессии (бездна интереса, принятие значимости, переживание ее эстетики и пр.), читаемой дисциплине (полагание ее важнейшей в содержании обучения и пр.), студентам (принятие их, полагание на их интерес, разумный скепсис и увлеченность и пр.), себе как ученому и преподавателю (чувство достоинства и др.), происходящему в настоящий момент (забвение отворотного и пр.) – вот то, что на лекции определяется *личностной* картиной мира и что, конечно же, будет неизменно *авторским* и столь *замечаемым* обучающимися.

Лектор узнаваем и принимаем не по внешнему виду – узнаваем и принимаем он прежде всего по актуализируемой им общей для него и студента картине мира.

В утверждении своей картины мира и на лекции преподаватель с опытом и чувством аудитории видит *режиссуру* своего высказывания.

Смыслы (конкретное содержание речи)

Психика человека и принадлежит ему, и живет отдельной от него жизнью. Последнее выражается в способности присутствующих в ней *смыслах* в известной степени самостоятельно актуализироваться в сознании человека и побуждать его (человека) к тем или иным действиям.

Смысл, в нашем прочтении, есть некая чрезвычайно подвижная и емкая со стороны содержащихся в ней познавательных-отношенческих потенциалов реальности в психике человека [2]. Смысл порождается бытием человека: его познанием, его поступками, его переживаниями. Смысл не поддается абсолютной формализации (в отличие от семантики). Тем не менее он в определенном отношении может быть вербализован (зримая основа его – язык). Смысл как психическая реальность устойчив, и потому психика не может уйти от *диалога* с ним (от обращения к тем или иным смыслам).

Смысл как устойчивая психическая реальность, как вобравшая в себя многое из бытия (богатая содержанием) обретает черты самостоятельности и *заявляет* о себе (сошлемся на интуиции Т. де Шардена П. в отношении предрасположенности всякой внутренне богатой бытием реальности являть черты персонификации [8, с. 200]).

Набор конкретных смыслов в психике человека и есть сам он в своей потенциальной полноте. Родные для человека смыслы постоянно вторгаются (другой стилистики не находим) в содержание всех его

высказываний. Отчетливо этот феномен явили писателя-классики: Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой и др.

Преподаватель, читающий лекцию в вузе, не может не вести диалог с теми из своих личностных смыслов, каковые прямо или опосредованно связаны с проблематикой читаемого. Содержание речи преподавателя вбирает в себя этот диалог, что чутко воспринимается слушателями.

Какими могут быть указанные смыслы (хотя бы со стороны семантики)? Читаемая дисциплина как некое *сокровенное* для лектора, читаемое как *высоко эстетичное, скепсис* в отношении констант читаемого (и это может быть), студент как *собеседник* преподавателя и др.

Преподаватель с чувством аудитории в своей лекции дает простор близким для себя переживаниям и интенциям (смыслам, в нашей стилистике).

Образ адресата

Лекция становится авторской и в случае последовательной реалии лектором положения об учете *образа адресата* его высказывания.

Каким видит лектор своего студента? Ожидающим полемического рассмотрения темы? Готовым погрузиться в миры неизведанного? Способным отойти от привычной гносеологии и вступить в малознакомые контексты осмысления традиционных тем?.. Осознанно или неосознанно каждый преподаватель *формирует* своего студента, очерчивает для себя его образ и следует ему. «Следует» означает «определяет проблемное поле читаемого, стратегии рассмотрения проблем, отбирает аргументацию, обнажает нерешенное, отбирает языковые средства и пр.».

Студенты безошибочно чувствуют, *какими* их видит преподаватель, и либо принимают избираемое им, либо молчаливо протестуют (не слушают лектора).

Язык лекции

В предшествующем, строго говоря, и говорилось о языке прочтения лекции. Удержание говорящим себя всего в речи, актуализация своего образа мира в высказывании, конструирование содержания высказывания с учетом срединных для своего сознания смыслов, учет образа аудитории в конструировании содержания высказывания – все это языковые (смысло-семантические) реалии, каковые обеспечивают явление речи преподавателя как индивидуально-авторского феномена.

Выскажемся о языке лекции и в определенном – более узком – значении этого слова (язык как некое стилистическое целое).

Речь лектора в особенности являет его картину мира, его научные предпочтения, его видение аудитории и другое важное в практике обучения. Являет она посредством избрания лектором *особой стилистики* высказывания.

Какие языковые единицы и выразительные средства языка используются для того, чтобы речь лектора удержала в себе его видение мира, себя, своих слушателей и пр. Как собирается (строится) лектором

фраза (срединное в языковом отношении действие лектора)? Как она им произносится?.. Эти и другие – стилистические – вопросы для преподавателя, ставящего задачей лично обратиться к обучающимся, чрезвычайно важны. Рефлексируя свои ответы на них, преподаватель для своей речи отбирает конкретные языковые единицы (синтаксические, лексические, морфологические), изобразительно-выразительные средства (метафоры, эпитеты и пр.). Отбирает как то, что в силу своей стилистической специфики послужит выражению его видения мира, отношения его к высказываемому, его видения аудитории (обучающихся).

Стилистика высказываний лектора может подчеркивать его сдержанно-уважительное отношение к читаемому, выражать его увлечение представляемым, маркировать его нейтрально-выжидательное прочтение теории предмета и пр. Стилистика речи лектора указывает на его внимание к слушателям (прямые обращения к ним, лексика уважения, точность фразы и пр.), полагание на их интерес к полемическому рассмотрению темы (языковая маркировка полемических суждений, вопросов и др.) и пр.

Преподаватель с опытом и чувством аудитории режиссирует свою речь в указанном отношении.

Эстетика высказывания

Прочтение лекции – в идеале *любимое* дело преподавателя. Потому рефлексия ее прочтения как чего-то *эстетического* – реалья, обычная для ее демиурга.

Строй лекции как некоего отвечающего категории прекрасного в контексте содержания настоящей статьи связывается с режиссурой удержания в речи *меры* соотношения учебного содержания и явления личности лектора. И то, и другое в речи преподавателя должно быть *органично* и тактично (с учетом реалий публичного выступления) соотносено и, образуя естественное единство, являть движение к *идеалу преподавания науки* в прочтении этой реалии *лектором*.

Погружение слушателя в миры науки, ведение его по возможным гносеологиям предмета обсуждения, оставление его наедине с неразрешимыми вопросами, обретение успеха в осмыслении неразрешимого, ожидание драматического итога описания теории излагаемого... – все это реалии как теории читаемого, так и личности преподавателя.

Преподаватель с чувством своей дисциплины и аудитории непременно драматизирует свое занятие, поверяя его своим переживанием прекрасного.

Заключение

Вузовская лекция своим содержанием, своей драматико-речевой организацией, своей организацией как некоего индивидуально-авторского феномена со стороны преподавателя органично воспринимается обучающимися. В ней они видят близкое себе со стороны духовно-психолого-эстетической. Миры науки для них в

указанной лекции предстают как поверенные человеческой мыслью и чувствами реалии. Им, обучающимся, открываются они сами как соучастники постижения научных изысканий человечества.

Список литературы

1. Гагаев А.А. Теория и методология субстратного подхода в научном познании. Саранск: МГУ имени Н.П. Огарева, 1994. 48 с.
2. Гагаев А.А. Гагаев П.А. О смысле как самодействующей реалии // Вестник Донецкого национального университета. 2019. № 4. С. 22–29.
3. Гагаев А.А., Гагаев П.А. Речь как индивидуально-авторский феномен. Теория и практика. Рузаевка: ПОПКПРО, 2010. 216 с.
4. Загвязинский В.И. Вузовская лекция в структуре современного учебного процесса. Образование и наука. 2004. № 2. С. 34–46.
5. Задорина О.С. Вузовская лекция в контексте современной ситуации в образовании. Педагогическое образование в России. 2012. № 4. С. 121–124.
6. Ибрагимов Г.И., Гайнутдинов Р.Г. Лекция в вузе: теория, история, практика: монография /под ред. Г.И. Ибрагимова. Казань: Школа, 2017. 196 с.
7. Лосский Н.О. История русской философии. М.: Высшая школа, 1991. 559 с.
8. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Устойчивый мир, 2001. 232 с.
9. Франк С.Л. Непостижимое (Онтологическое введение в философию религии). М.: Правда, 1990. 608 с.

Об авторах:

ГАГАЕВ Андрей Александрович – доктор философских наук, профессор ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва» (430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68); e-mail: gagaev2012@mail.ru

ГАГАЕВ Павел Александрович – доктор педагогических наук, профессор ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (440026, г. Пенза, ул. Красная, 40); e-mail: gagaevp@mail.ru

ABOUT THE INDIVIDUAL AUTHOR'S BASIS UNIVERSITY LECTURE

A.A. Gagaev¹, P.A. Gagaev²

¹National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev, Saransk, Russia

²Penza State University, Penza, Russia

Argues and develops the provision on the need to read a university lecture on an individual author's basis. The individual author's reading of the lecture is interpreted as, on the one hand, a scientific and personal interpretation of the essential provisions of the theory being read, and on the other hand, the actualization in the read (to the extent possible) of the lecturer's image of the world, his vision of students (the addressee of the statement). The author's reading of the lecture also involves the lecturer's appeal to a special style of utterance (the style of retaining the author's image of the world in speech).

Keywords: *higher educational institution, science, personality, lecture, speech, individual author's basis, image of the lecturer's world, directing.*